

The background of the entire poster is a dynamic scene of three soldiers in a small boat on a turbulent sea. The soldiers are dressed in military gear, including berets and goggles. They are holding rifles and looking forward with determination. The water is splashing around them, creating a sense of movement and action. The overall color palette is dominated by blues and teals, with a red horizontal line separating the title from the subtitle.

МОРСКОЙ СПЕЦНАЗ

СЕРГЕЙ ЗВЕРЕВ

БОЦМАН ВСПЛЫТИЕ НЕВОЗМОЖНО

Морской спецназ

Сергей Зверев

Всплытие невозможно

«ЭКСМО»

2012

Зверев С. И.

Всплытие невозможно / С. И. Зверев — «Эксмо»,
2012 — (Морской спецназ)

В Японском море россияне испытывают новейшую мини-субмарину «Щука». В добыче сведений о ней крайне заинтересована Северная Корея. Адмиралу Пак Нам Чхолью приказано любой ценой завладеть подлодкой. Он выстраивает хитроумный план, используя похищенного в России конструктора лодки Доморадова. У экипажа почти нет шансов уберечь секретную разработку... Но тут в дело вмешивается команда лучших подводных пловцов Балтийского флота под руководством капитан-лейтенанта Виталия Саблина по прозвищу Боцман. Команде поручено пресечь любые попытки корейцев завладеть субмариной...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	12
Глава 3	22
Глава 4	28
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Сергей Зверев

Всплытие невозможно

Глава 1

Контр-адмирал Федор Ильич Нагибин, являвшийся начальником Главного разведывательного управления всего Балтийского флота, иногда принимал неожиданные решения. Вот и теперь он «выдернул» с Балтики одного из лучших подводных пловцов – капля Виталия Саблина по прозвищу Боцман, возглавлявшего небольшую диверсионную группку, и прибыл с ним во Владивосток. Потом была еще часовая поездка на машине с молчаливым шофером...

Уже темнело, когда контр-адмирал и Саблин оказались в небольшой, защищенной от волн бухте. От каменистого берега уходил недавно сооруженный временный причал, у которого чернела небольшая субмарина под Андреевским флагом. Саблин, как опытный подводник, прекрасно знал силуэты всех российских и большинства зарубежных подлодок. Но этот ему был незнаком. И только сейчас контр-адмирал решил нужным сообщить командиру диверсионной группы:

– Конструкторы постарались вложить в это чудо современной техники максимальное количество функций. Она не только может проводить боевые операции и разведку, но также приспособлена для доставки и высадки небольшого десанта – группы до пяти человек, подобной той, какую ты и возглавляешь.

На причале шли приготовления к выходу корабля в море. Но контр-адмирал не спешил знакомить Саблина с экипажем.

– Сегодня предстоят ночные ходовые испытания субмарины в надводном положении, так что надобности в твоём нахождении на борту нет. Но есть человек, с которым тебе стоит познакомиться. Он тоже сегодня остается на берегу.

Нагибин позвал к себе сорокалетнего мужчину в штатском, щеки которого покрывала короткая густая борода.

– Знакомьтесь, Александр Доморадов – один из разработчиков подлодки. Мне хотелось, чтобы вы сошлись немного поближе, прежде чем вам придется работать вместе. Главное, чтобы ты, Виталий, поверил в эффективность этой субмарины. А Доморадов лучше других сможет рассказать тебе о ее возможностях. Заодно и отдохнете вместе пару деньков, пока подлодка не вернется.

Не прошло и получаса, как современная мини-субмарина под Андреевским стягом и в сопровождении двух катеров вышла в море. А Виталий Саблин и инженер Доморадов остались на берегу.

Возле причала поблескивала лаком машина контр-адмирала Нагибина. Водитель, проронивший до этого лишь одно-единственное слово «здравствуйте», подошел к Саблину.

– Федор Ильич просил доставить вас к месту отдыха. Вы уже готовы? – спросил он, с уважением глядя на Виталия.

– Вполне.

– Тогда прошу в машину, – предложил водитель.

Повинуясь взгляду Боцмана, он подавил в себе желание распахнуть дверцу. Такое участие явно было бы каплею не по нутру. Ведь он, даже когда по лестнице ходил, не держался за перила, считая, что те существуют только для инвалидов.

Саблин с Доморадовым оказались на заднем сиденье. Стекла бесшумно поползли вверх, заработал кондиционер, наполняя салон отфильтрованным ароматизированным воздухом.

– По мне, так лучше запах леса и моря вдыхать, чем эти дезодоранты.

– Кондиционер, кстати, и заправлен запахом хвои, – усмехнулся водитель, включая тихую музыку и разворачиваясь на пяточке возле причала. – Работа такая, и пассажиры такие, что лучше с поднятыми стеклами ездить.

– Понятно, так меньше шансов для прослушки, – наконец-то согласился Виталий. – Далеко ехать?

– Да не очень, за полчаса доберемся.

Доморадов поудобнее устроился на скрипучем кожаном сиденье, почесал небритую щеку и произнес:

– Отличное место, не пожалеете, Виталий. Особенно после городской суеты или изнурительной работы. Всю усталость буквально за пару часов снимает.

– Я в городе особо и не бываю. А насчет изнурительной работы – это когда как, – проговорил Виталий, глядя на проносившиеся мимо машины и стволы деревьев.

Узкая асфальтированная дорога вела прямо через лес и шла вдоль побережья. Доморадов несколько минут, словно думал о чем-то своем, сомневался, бесшумно шевелил губами, а затем, заерзав, вытащил из заднего кармана брюк плоскую фляжку граммов на двести, отвернул винтовую пробку, поднес фляжку к самому носу, понюхал и блаженно прикрыл глаза.

– Сущий нектар, – проговорил он, после чего протянул плоскую емкость Саблину. – Не желаете?

– Коньяк? – уловил аромат Боцман.

– Он самый. Настоящий армянский.

– Пока еще не созрел, – уклончиво ответил Боцман.

– Как хотите, Виталий. Надумаете – скажите, не стесняйтесь. – Доморадов приложился к горлышку, сделал два коротких глотка.

Его острый кадык дернулся под небритой шеей, как мышь в мешке. Александр Доморадов выглядел уставшим. У него под глазами были синеватые мешки, которые возникают у людей, сильно не досыпающих или же злоупотребляющих спиртным.

Водитель спокойно вел машину. Петляющая в лесу дорога серебрилась в свете мощных галогеновых фар. Доморадов то и дело прикладывался к фляжке. Дорога явно была ему знакома, и ездил он по ней, видимо, не один раз, об этом свидетельствовало то, что инженер вытряхнул последние капли коньяка в приоткрытый рот именно в тот момент, когда водитель подъехал к небольшому бревенчатому домику на берегу реки. Лес подступал к воде почти вплотную. Лишь над самым домом и примыкавшей к нему баньке деревья расступались, давая место звездному небу над головой. Водитель деловито выставил из багажника на крыльцо пару картонных ящиков.

– Счастливо оставаться, – попрощавшись, сказал он, сел в машину и уехал.

– Рыбалку любите? – произнес Доморадов, зазвенев ключами.

Хрустнул замок, и дверь отворилась.

– Увлекаюсь, но только подводной с ружьем.

– Что ж, не угадал с местом. В этой речушке в редком месте с головой погрузиться можно. Но думаю, вы втянетесь. Ловить на спиннинг – не меньшее удовольствие, чем охотиться с подводным ружьем. Да и добыча крупная.

Вошли в дом. От чугунной буржуйки, обложенной насухо камнями, дышало домашним теплом. За приоткрытой дверкой еще, потрескивая, горели рубинами угля.

Домик был оформлен в охотничье-рыбацком стиле. Стену напротив печки украшали головы лося и оленя. Над дверью висело чучело большого лосося, в углу топорила сучьями, будто щупальцами, замысловатая, выбеленная солнцем и морскими волнами коряга. Крутая, как корабельный трап, лестница вела на мансарду.

– Там отличная комнатка. Предлагаю занять ее вам, так как я ночью часто встаю, – предложил Доморадов и взялся распаковывать ящики.

В них оказалось спиртное – коньяк и водка, а также закуска. Все готовое к употреблению. Хлеб, копчености, овощи, консервы. Александр выставил на стол бутылку коньяка и посмотрел Саблину в глаза:

– Теперь-то уже на месте вы не откажетесь выпить за знакомство?

– Я предпочитаю водку.

– Что ж, о вкусах не спорят, – охотно согласился Доморадов и придвинул к Саблину стаканчик из нержавеющей стали и бутылку.

Закуску он разложил в тарелки, не разрезая. Принес от кухонной стойки пару вилок и острых ножей.

– Мы же на природе. К чему церемонии? Посидим, выпьем за знакомство, – навязчиво предложил Александр и потянулся к бутылке водки, чтобы налить Боцману.

Виталий сразу почувствовал в нем любителя выпить. Инженер не мог равнодушно смотреть на спиртное.

– Если вы не против, я налью сам, – сказал Виталий.

– Пожалуйста, – согласился Александр.

Выпили за знакомство. Саблин – половину рюмки, Доморадов – целую. А затем, после пары необязательных фраз, Александр сразу же перешел к делу – принялся рассказывать о новом проекте, в котором принимал участие, – мини-субмарине.

– ...вы же видели ее. Настоящее чудо техники всегда должно выглядеть как произведение искусства. Все технологичное смотрится совершенным в смысле дизайнера, и вы в этом убедились...

Виталий слушал, кое с чем соглашался. Спорить ему не хотелось – ведь подлодка уже была построена, и его мнение, как подводного пловца, уже не могло повлиять на ее конструкцию. А Доморадов расхваливал и расхваливал тактико-технические характеристики новейшей мини-субмарины российского производства.

Потрескивали дрова в буржуйке. Внутри дома становилось невыносимо жарко, а Доморадов словно не чувствовал этого – подкладывал полено за поленом. При этом он не уставал говорить, уже сравнивая гигантские атомные субмарины с мини-подлодками. Как любой профессионал, он отстаивал свой проект; при этом не забывал и выпивать. На дне его бутылки оставалось коньяка не больше чем на два пальца, хоть Саблин не отпил еще и трети бутылки водки. Манера питья у Александра была странная. Он не произносил тостов, не следил за тем, чтобы собеседник тоже пил. Доморадов прихлебывал время от времени – так, словно это был не коньяк, а чай.

– ...теперь я убедил вас, что атомные подлодки-ракетоносцы – это вчерашний день? Будущее за мини-субмаринами, – самодовольно произнес Доморадов и закурил.

Боцман, обычно компанейский и легко сходящийся с любыми людьми, почувствовал в Александре чужого себе человека. Не то чтобы Доморадов был чем-то плох. Пристрастие к выпивке, если это не идет во вред делу, – слабость простибельная. Просто подводный пловец и инженер жили на разных волнах, амплитуды которых не совпадали.

– Вполне убедили, – произнес Саблин.

– Главное преимущество нового проекта в том, что субмарина способна транспортировать диверсионные группы.

Боцман, привыкший соблюдать режим, глянул на часы – было около полуночи. Время, вообще-то, «детское», но можно было и лечь спать.

– Пойду свежим воздухом подышу. – Саблин бросил взгляд на дымящуюся в пепельнице сигарету. – Перед сном полезно.

– А я еще немного посижу. Допью, – чуть виновато улыбнулся Доморадов. – Стресс надо снять. В последнее время много приходилось работать.

– Что ж, у каждого свой способ, – согласился Боцман и вышел на улицу.

Мягкий желтый свет лился из окон домика. Над трубой поднимался дым и уходил в звездное небо. Переливалась, шумела на камнях речушка. За ней на сопке в нескольких километрах отсюда рассыпался огнями по склону небольшой поселок – райцентр. Дышалось легко. Чувствовалась близость моря. В воздухе еле угадывался запах соли и выброшенных на берег водорослей.

Саблин подошел к воде, присел на корточки и умыл лицо. И тут ему показалось, что в лесу происходит какое-то движение – словно тень мелькнула между стволов. Боцман напряженно всматривался в темноту, но ничего больше не происходило. Вполне могло и почудиться. Ведь Саблин все-таки был человеком моря. Под водой ориентировался свободно, даже когда видимость была ограниченной. Там он с легкостью мог распознать, что мелькнуло – аквалангист, рыба или дельфин. Но лес оставался для него загадкой, чужой территорией.

«Показалось», – решил Боцман, направляясь к дому.

На столике перед Доморадовым уже стояла новая бутылка коньяка. Боцман сделал вид, что не заметил этого, пожелал спокойной ночи и стал подниматься на мансарду.

– Завтра на рассвете вас будить? Лучшая рыбалка, когда солнце встает.

– Конечно. Тогда и продолжим наш «ликбез».

Виталий прикрыл дверь, погасил свет. Постель была свежей, мягкой, но все же чужой. А это помимо желаний заставляло думать о тех, кто ночевал в этой комнате до него. Было слышно, как внизу подкладывает дрова в печку Александр, как пьяновато разговаривает сам с собой тихим шепотом, при этом хихикая.

«Все, надо спать», – приказал себе Виталий и, словно щелчком тумблера, отключил лишние мысли.

Вскоре он уже спал, но, как всегда, чутко. Подсознание реагировало на каждый звук, отмечало его. А уж инстинкт подсказывал – стоит ли Виталию проснуться...

Он пробудился внезапно, резко. Сон улетучился мгновенно, как всегда бывало в моменты опасности. Виталий уже и не сомневался – что-то произошло или же должно произойти. Иногда ему удавалось и предвидеть события.

Сквозь щели двери, ведущей на лестницу, пробивался свет. Боцман быстро натянул джинсы и, сунув ноги в кроссовки, спустился на первый этаж. В комнате Доморадова не было. На столе виднелась наполовину выпитая бутылка коньяка и еще дымилась плохо загашенная в пепельнице сигарета. Дверь на улицу была приоткрыта.

Виталий вышел на крыльцо. На полянке перед домом никого. Серебрилась речка, переливался огнями поселок на склоне сопки. Ситуация могла иметь и самое банальное объяснение. Ну, вышел человек по нужде... Но это не означало, что с ним ничего не могло случиться.

Взгляд Боцмана скользнул по траве – и тут же засек еле приметный след, словно что-то тяжелое тащили к лесу.

Виталий притворно зевнул, сделал вид, что заходит в дом и закрывает за собой дверь. Но на самом деле он просто соскользнул с крыльца и обошел дом с другой стороны. Ведь Боцман был уверен, что проснулся сразу, как только что-то случилось. Но почему тогда так тихо в лесу, куда поволокли что-то тяжелое?

Он выглянул из-за угла и понял, что не ошибся. Теперь из леса доносились торопливый шорох, тихие голоса. Разобрать, что говорят, было невозможно. Виталий не был уверен, но ему казалось, что говорят не по-русски.

Пригнувшись, он нырнул в темноту леса. Глаза его быстро привыкли, да и на звук ориентировался он неплохо. Лунный свет косо пробивался между стволов. У старой ели навзничь лежал Доморадов, двое невысоких подростков в черных болоньевых куртках и вязаных шапочках сноровисто обыскивали постанывающего инженера.

– Стоять, гады! – крикнул Саблин.

Подростки замерли и повернули головы.

Виталий бежал к ним, намереваясь схватить и вытрясти украденное. Самое плохое, что могло случиться, – это они побегут в разные стороны. Но схватишь одного, припугнешь как следует – живо дружка сдаст. Боцман был уверен, что справится, потому его не насторожило то, что никто из подростков не бросился убегать. Когда его и малорослых грабителей разделяло уже метра два, один из них резко выпрямился, совершив в воздухе головокружительный кульбит, и что было силы ударил двумя ногами Саблина в грудь, после чего чудесным образом приземлился на ноги.

Боцман не ожидал такого удара, а потому пропустил его. Ему показалось, что он слышит хруст собственных ребер. Его отбросило на несколько метров, и он упал, больно ударившись затылком о шершавый ствол старой ели. Все-таки сноровка дала о себе знать. Ребра остались целы, хоть в груди и страшно болело. В самый последний момент перед ударом Саблин успел остановиться и даже немного отпрянуть, иначе сейчас лежал бы с проломленной грудиной, а острые обломки ребер проткнули бы легкие. Теперь у Виталия сомнений не оставалось – это не подвыпившие подростки, решившие почистить карманы стильно одетому инженеру Доморадову. Это взрослые мужики, хоть и низкорослые, отлично владеющие приемами восточных единоборств.

Боцман перекатился и готов уже был подняться, как шестое чувство удержало его. В руке одного из мужчин в черном блеснуло лезвие, последовал короткий взмах, и нож, со свистом пронзив ночной воздух, глубоко впился в ствол дерева над самой головой Виталия. Как назло, оружия с собой у Саблина не было, даже обычного перочинного ножа, а оба противника уже бежали к нему. Перемещались они так стремительно, что казалось – просто летят по воздуху.

Виталий схватил нож, врезавшийся в дерево, и рванул что было силы. Но тот так глубоко впился, что поддался только со второго раза. И вовремя. Боцман успел вскинуть лезвие, и занесенная для удара рука противника с плотно сжатой ладонью чиркнула по острой кромке. Брызнула кровь. Упершись спиной в ствол дерева, Саблин ударил ногой второго нападавшего, а затем попытался схватить за шиворот раненного в руку. Но низкорослый оказался чрезвычайно прытким, он буквально выскользнул из пальцев и попытался нанести еще один удар ногой в пах. Однако Боцман успел перехватить ногу и крутанул подошву. Этот прием он использовал редко – очень уж brutальный, обеспечен как минимум вывих коленного сустава, а то и перелом лодыжки. Но мужчина в черном отлично знал «противоядие». Он подпрыгнул, совершил в воздухе полный оборот вокруг своей оси и оттолкнулся согнутой в колене ногой. Толстая рифленая подошва туго зашнурованного ботинка выскользнула из рук Саблина. Только сейчас он рассмотрел, что под низко натянутой вязаной шапочкой блестят раскосые азиатские глаза.

На несколько секунд мужчины, вступившие в схватку, остановились и уставились друг на друга, словно оценивали взаимные возможности. Ясно было, что ни они, ни Боцман не предвидели друг у друга талантов в рукопашной схватке.

Виталий вытянул перед собой руку с зажатым клинком и сделал несколько резких неровных движений, словно предупреждал, что теперь церемониться не станет, а вонзит клинок в первого, кто к нему сунется, и тем самым уравнивает шансы в поединке.

Мужчины в черном переглянулись. Они не обмолвились ни словом, но синхронно сделали пару шагов назад, а затем, развернувшись, побежали в лес. Боцман рванул за ними. Ветви хлестали по лицу, хрустели сучья. Низкорослые и не думали уходить по одному, держались вместе. Их силуэты мелькали между стволов, исчезали в зарослях, вламывались в кусты. Саблин старался не отставать. Но когда много препятствий, когда приходится продирааться сквозь заросли, пробегать, низко пригнувшись под нависающими ветвями, преимущество имеет тот, кто ниже ростом.

Виталий чувствовал, что отстаёт. Черные силуэты еще раз мелькнули в чащобе и растворились в темноте. Еще некоторое время слышался хруст сучьев, а затем все стихло, словно и не было этих узкоглазых.

Боцман перевел дыхание, развернулся и побрел к дому. Доморадов уже пришел в себя. Он сидел на траве и выворачивал наизнанку карманы.

– Вы в порядке, Александр?

– Кажется, да, только голова раскалывается. Даже не понял ни хрена. Отошел от дома, потом вижу – вроде тень какая-то мелькнула, а потом пропала... И тут кто-то сзади как врежет по затылку – я и отрубился.

Саблин присел на корточки перед инженером, заглянул ему в глаза:

– Что-нибудь пропало?

– Только носовой платок и остался, – хмыкнул Доморадов, а затем принялся загибать трясущиеся пальцы на правой руке: – Портмоне с деньгами и пластиковыми карточками, а там паспорт, документы, ключи от квартиры и машины; мобильник совсем новый, две недели как купил... Блин... – Инженер поднялся и сжал ладонями виски. – А вы видели, кто это сделал?

– Видел, их было двое. Вот все, что от них осталось... убежали, – и Саблин продемонстрировал нож с тяжелым лезвием и наборной ручкой...

Полиция приехала через час с небольшим. За это время Доморадов еще успел приложиться к коньяку, объясняя это тем, что хочет снять стресс.

Улыбчивый опер выбрался из «УАЗа» и тут же поинтересовался, кто потерпевший. Когда же услышал пьяноватый голос инженера, понимающе моргнул и произнес:

– Ясно; а вы, значит, свидетель. Покажите, где все это произошло.

Опер недолго светил фонариком. Единственное, что ему удалось отыскать в траве, – так это полупустую пачку от сигарет.

– Ваша?

– Моя, – Доморадов потянулся к сигаретам, но опер, держа картонную коробочку двумя пальцами за уголки, тут же отдернул руку:

– На ней отпечатки пальцев могут остаться. Придется изъять как вещдок.

Сигареты были опущены в прозрачный шелестящий пакет.

– Ну, а теперь пошли в дом, бумаги составлять, – почему-то с радостной улыбкой сообщил опер, даже не сделав попытки пройти поглубже в лес, поискать следы убежавших грабителей.

В домике, бросив взгляд на пустые бутылки из-под водки, он вновь понимающе улыбнулся, расчистил краешек стола, положил бланк и достал ручку.

– Итак, вы Доморадов Александр...

Боцману во время снятия показаний с Доморадова пришлось прогуливаться на улице – так попросил опер, мотивировав это тем, что если Саблин не будет слышать рассказа инженера, то его показания будут предельно точными.

Прошло минут двадцать, как дверь домика распахнулась, и на крыльцо вышел Александр с дымящейся сигаретой во рту:

– Теперь ваша очередь, Виталий. Вы уж меня извините, что такой вот отдых получается...

– Чего уж тут извиняться. Не вы же во всем виноваты.

Опер, допрашивая Саблина, то и дело переспрашивал:

– Так вы говорите, их двое было? А вот потерпевший утверждает, что видел только одного.

– Так он и видел одного. Второй его в это время по затылку чем-то ударил.

– Конечно, экспертиза еще покажет, но никаких следов удара по голове я не заметил. – Улыбка никак не хотела исчезать с губ молодого и самоуверенного опера. – И вообще, вам в темноте многое могло показаться. Возможно, их и было двое, но, судя по всему, это подростки.

Наш эксперт обнаружил след тридцать шестого размера. У взрослого мужчины такой ноги быть не может.

– Я же говорил, это азиаты: китайцы, корейцы или вьетнамцы. Низкорослые, одним словом. Но драться умеют будь здоров, это профессионалы.

– Товарищ капитан-лейтенант, ночь темная, вы с другом были выпивши, всякое могло померещиться. Да еще стресс во время драки... На мой взгляд, это подростки, которые решили туристов почистить, деньги забрать и ценные вещи. Мобильник-то совсем новый был, последней модели. Вот с ним они и прокололись. Даже если его симку и выбросят, то мы их быстро вычислим. Вот тогда и посмотрим, кто из нас был прав.

– Что ж, желаю успехов, – кивнул Саблин.

Глава 2

В каждом большом городе имеется свой блошинный рынок, так называемое «Поле чудес», где продают всякий хлам – от старых водопроводных кранов до государственных наград времен Советского Союза. Здесь при желании можно найти все, что угодно, было бы только время походить и присмотреться к предлагаемому товару. Торгуют здесь из машин, из палаток, но есть и самая низкая каста продавцов, которые раскладывают принесенное на продажу прямо на земле, застеленной куском брезента или клеенки. Есть такое «Поле чудес» и во Владивостоке.

Евгений Баранов, недавно вышедший на пенсию слесарь, подрабатывал именно на «Поле чудес» – торговал бывшими в употреблении запчастями к советским автомобилям. У него можно было найти даже детали к старым «Волгам» – «ГАЗ-21». Сам себя Евгений любил называть витиевато, и когда представлялся, то неизменно произносил: «Женя Знаменский – мужчина самостоятельный». «Знаменский» он добавлял, потому что жил в пригородном поселке Знаменское. Ну, а «мужчина самостоятельный» – это было уже жизненное кредо. Все заработанное на рынке Женя честно пропивал, но никогда не трогал деньги из оборотного капитала, на который приобретал оптом старые запчасти.

В это злополучное для себя утро Женя, как всегда, расстелил кусок промасленного брезента на щебне, которым был засыпан пустырь у вещевого рынка. Рядом с ним оборудовали свои импровизированные прилавки такие же бедолаги, как и он сам. День выдался дождливым, капли взвесью наполняли воздух. День хмурый, а потому наплыва покупателей не предвиделось. «Мужчина самостоятельный» уже смирился с мыслью, что вряд ли получит даже жалкую тысячу чистой прибыли.

Продавцы сидели на раскладных рыбацких стульчиках, на пластиковых ящиках из-под бутылок, перебрасывались приевшимися дежурными шутками, курили, играли в карты. Редкие покупатели бродили между рядами, в основном присматривались и лишь изредка что-то покупали. Ведь товар на «Поле чудес» штучный, на любителя. Далеко не каждому понадобится правый задний фонарь от древней «Волги»...

Женя Знаменский лишь скользнул взглядом по приближавшемуся к нему вдоль ряда продавцов низкорослому корейцу в туго шнурованных ботинках, черной куртке и вязаной шапочке, натянутой по самые раскосые глаза. Скользнул и тут же краешком сознания отметил, что это не его покупатель. Такие на ретромашинах не ездят. Старьем может интересоваться или древний пенсионер, у которого чудом осталась с советских времен в гараже «Волга» на ходу, или же какой-нибудь молодой тусовщик, повернутый на легендах советского автопрома. Однако кореец, поравнявшись с Женей Знаменским, присел на корточки и, прижимая к животу забинтованную правую руку, левой принялся копать в железе.

– Что вас интересует, уважаемый? – для порядка поинтересовался продавец. – Могу подсказать. У вас машина-то какая?

– Машины нет, – довольно чисто говоря по-русски, принялся объясняться кореец. – А вот проблема есть.

– Проблема – это плохо.

– Э... для меня проблема, а ты заработать можешь.

Женя Знаменский усмехнулся. Он не представлял себе, каким образом этот низкорослый кореец с раненой правой рукой может помочь ему сегодня заработать.

– Деньги на дороге не валяются.

– На, посмотри, – на ладони левой руки кореец подал Баранову таинственно поблескивающий мобильник. – Совсем новый.

– Не по моей части, – вздохнул Женя Знаменский. – Я железками торгую. А мобилы вон в том киоске на комиссию принимают. Но если хочешь деньги сразу, то процентов двадцать-тридцать от цены сбросить придется. Так что дуй туда; может, и возьмут твою игрушку.

– Сам не могу сдать. – Кореец продолжал держать на ладони поблескивающий выключенный мобильник. – Документов у меня нет.

– Ну, вот, документов нет... Может, и мобильник краденый? – нахмурился продавец автозапчастей.

– Мобильник чистый. Я ремонт одной разведенке делал, а как пришло время расплачиваться, то у нее денег и не оказалось, все в стройматериалы вбухала. Свой новый мобильник мне и отдала, теперь старым пользуется. А этот, сказала, семьсот баксов в салоне стоил.

– Ну, семьсот тебе за него никто не даст, – попытался оценить телефонную трубку Женя Знаменский. – В лучшем случае половину, и то если на комиссию сдашь.

– А кушать-то хочется, – покачал головой кореец. – У меня к тебе предложение. Иди, сдай мобильник – так, чтоб деньги сразу получить – а я за твоим товаром присмотрю. Все, что получишь, честно делим пополам.

Женя Знаменский засомневался, поскреб небритую щеку. А кореец уже дожимал его:

– Ты что, не хочешь? Ну, так я к другому сейчас подойду. Извини, что время отнял...

– Черт с тобой. Давай сюда трубку. Если кто товаром интересоваться будет – говори, что хозяин сейчас вернется, – проинструментировал бывший слесарь и решительно зашагал между разложенными на картонках и клеенках железками к небольшому киоску с броской надписью «Мир сотовых телефонов».

Над киоском с четырех углов гордо развевались флаги с названиями ведущих производителей телефонов. Как и большинство продавцов на рынке, Женя и киоскер знали друг друга в лицо, но не по именам и не по фамилиям. Сделка состоялась быстро. Мобильник был практически новый, навороченный. Вскоре продавец автозапчастей уже вернулся к своим железкам. Кореец с забинтованной рукой терпеливо дожидался его.

– Ну, что, получилось? – нетерпеливо спросил он, поблескивая раскосыми глазами.

– А то! Я же мужчина самостоятельный, за что ни берусь – все выгорает. – Женя Знаменский разжал ладонь, в которой лежало девять тысячерублевых купюр. – Тебе, если даже с документами был, больше восьми не обломилось бы, – гордо заявил Женя, раскладывая купюры на две кучки.

Последняя «тысяча» зависла в воздухе. Кореец смотрел на нее почти равнодушно – это даже покорило продавца автозапчастей.

– Думаешь, у меня разбить ее не получится? Я же мужчина самостоятельный, оборотный капитал никогда не трогаю. – Женя Знаменский положил «лишнюю» купюру крестиком на свою стопочку денег, вытащил из внутреннего кармана потертого пиджака рулончик банкнот, стянутых аптекарской резинкой, и зашуршал бумажками. – На, держи пятьсот, – подал он веер сотенных бумажек, – и не голодай.

Кореец переломил деньги пополам, сунул в карман, в знак благодарности кивнул и неторопливо побрел по «Полю чудес» к выходу с рынка.

Женя Знаменский был доволен. День удался на славу – просто так, на ровном месте, поднял бабки... Теперь ему казалось, что сидеть на рынке – зря время терять. Ну, заработаешь еще рублей семьсот-восемьсот... так это ж ерунда. Он собрал старые запчасти в сумку-каталку, задернул шнуровку на горловине и, насвистывая задорную песню своей юности, зашагал к выходу.

За воротами рынка Евгений «притормозил» у кафе «Сайгон», совершенно справедливо посчитав, что начать выпивать можно прямо сейчас, а полученные почти на халяву деньги могут пойти даже на водку с наценкой. Не отходя от стойки, он выпил, запивая томатным соком, два стаканчика по сто, зажевал бутербродом и, прикупив поллитрухи в соседнем мага-

зинчике, зашагал по тропинке через поле. Этот путь оканчивался остановкой пригородного автобуса на шоссе, откуда добираться Жене Знаменскому до родного дома было всего лишь полчаса.

Железяки в сумке-каталке весело побрякивали на выбоинах, вокруг колосилась рожь, а на душе было приятно и тепло. Легкое опьянение кружило голову. Так и хотелось крикнуть во всю мощь: «И жить хорошо, и жизнь хороша».

На полдороге продавец автозапчастей обернулся и увидел на тропинке мужскую фигуру, но особого значения этому не придал. Мало ли кому еще, кроме него, приспичило отправиться на пригородный автобус. Тропинки для того и существуют, чтобы по ним люди ходили.

Уже виднелась впереди лента шоссе, по которому с гулом пролетали машины. Белела и автобусная остановка. Женя Знаменский посмотрел на часы – до автобуса оставалось пятнадцать минут. «Самостоятельный мужчина» не мог позволить себе пить из горлышка прямо на остановке, а потому поставил каталку, свернул пробку и сделал несколько коротких глотков. Булькнуло спиртное. Мужчина смотрел в хмурое небо, готовое разразиться дождем, но ему все равно было весело. Когда он опустил бутылку и глянул вокруг, то абсолютно неожиданно для себя обнаружил того самого корейца с забинтованной правой рукой. Сквозь бинты слегка проступала кровь.

– А ты чего тут делаешь? – не подозревая еще ничего плохого, поинтересовался Женя. – Тебе в какую сторону ехать?

– А я уже приехал, – отозвался кореец.

– Глотнешь? – Женя Знаменский протянул бутылку.

Кореец отрицательно качнул головой, а затем внезапно сделал резкое движение, выставив перед собой правую ногу. Торговец автозапчастями даже не понял, как оказался лежащим на земле. Недопитая бутылка выскользнула из пальцев и покатила по натоптанной тропинке. Спиртное, булькая, выливалось из горлышка.

– Мужик, ты чего? – успел пробормотать торговец с «Поля чудес».

– А ничего, – бесстрастно произнес кореец, схватил Женю Знаменского за жидкие седые волосы, резко приподнял голову и ударил виском о твердую, как камень, землю.

В черепе что-то жалобно хрустнуло. Торговец захрипел, задергался. Кореец стоял над ним и, не мигая, смотрел. Агония длилась несколько минут. Последний раз вздрогнув, Женя Знаменский затих.

Забинтованный махнул рукой своему товарищу, приближавшемуся со стороны рынка. Вдвоем они что-то торопливо рассовали по карманам мертвеца, а затем быстро зашагали к остановке, оставив тело лежать на тропинке.

* * *

Вечером того же самого дня, когда Женя Знаменский распрощался с жизнью, инженер Александр Доморадов сидел в кабинете.

– О узнаете свои вещички? – весело улыбаясь, поинтересовался опер. – Ваш мобильник? Ваше портмоне? Ваши ключи?

– Мои, – без тени сомнения признал похищенные у него вещи Доморадов.

– Кошелек с документами и ключи мы вам возвращаем сразу. А вот мобильник пока еще побудет у нас в интересах следствия.

– Так вы нашли грабителя?

– Как я и говорил – спалился на мобильнике, сдал в киоск. Только радости ему от этого большой не было. Мертвым его нашли сегодня днем за городом. Все вроде бы выглядит так, что шел он пьяный по тропинке к автобусной остановке, споткнулся и голову себе размозжил. Но мне-то кажется, что на самом деле замочили его. Скорее всего, дружки-собутельники поста-

рались. Только они поумнее его – все деньги из кошелька забрали, но к документам и пластиковым карточкам не притронулись. Деньги, ведь они обезличенные, вы их номера не переписывали. А на «пластмассе» и мобиле быстро спалиться можно. И следов не оставили. Мы-то, конечно, искать будем, но шансов на успех мало.

– Как же, понимаю, кому хочется лишний висяк иметь. Если быстро не найдете, всё как несчастный случай оформите. Но я-то не в претензии. Только вы уверены, что это тот самый человек?

– На все сто, – радостно заявил опер. – У него же ваши вещи в карманах и лежали. А по покойнику никто плакать не будет, нету у него родственников, асоциальный тип. Так что если чего нового всплывет, я вас еще разок потревожу. – Опер подсунул бумажку, чтобы Доморадов расписался в получении найденных вещей, и они расстались.

Боцман стоял у крыльца, поджидая возвращения инженера.

– Пошли, – сказал Александр. – Все в порядке, вещи вернули, кроме мобилы. А вам, сказал, даже заходить не надо. Им уже и так все ясно. Так что не двое их было, а один.

– Я-то их видел, – обозначил движение к крыльцу Саблин.

– А у нас время разбираться с этим есть? – прищурился Доморадов. – Испытания подлодки идут полным ходом. Нет, конечно, если хотите, можете подняться, пока он никуда не уехал. Но мой вам совет – не тратьте силы и время. У каждого своя работа. Так пусть и работают, им за это деньги платят. А нам завтра с утра следует быть у Нагибина.

* * *

Металлический стеллаж с торпедами в боевом отсеке подлодки – не лучшее место для сна и отдыха. Но на субмаринах каждый квадратный метр площади на вес золота. Тут уж не до удобств, особенно если подлодка эта – не огромный атомоход-ракетоносец, а небольшая дизельная субмарина класса ПЛА, так называемая «атакующая подлодка», или же «Hunter-Killer», то есть «убийца авианосцев», или SSN, по натовской классификации.

Вот уже пятые сутки подряд балтфлотовец – боевой пловец-спецназовец каплей Виталий Саблин по прозвищу Боцман, возглавлявший диверсионную группу, вынужденно обитал в торпедном отсеке новейшей субмарины, созданной российскими оборонщиками пока еще в единственном экземпляре.

Слово «боцман» всегда вызывает богатый ассоциативный ряд: суровый мореман с серебряной дудкой на цепочке, «свистать всех наверх!», страх и трепет команды... Капитан-лейтенант спецназа Балтфлота Виталий Саблин, хоть и имел в своей богатой военно-морской родословной несколько боцманов, никак не соответствовал типу заматеревшего палубного диктатора. Впрочем, и на боевого пловца, каким их представляют по многочисленным сериалам, он тоже не слишком-то походил. Интеллигентный любитель шахмат, начитанный и скромный, он скорее напоминал университетского преподавателя, чем офицера элитного спецподразделения Балтфлота.

Кличку Боцман он получил еще в юности, будучи нахимовцем: вместе с друзьями проходил плавпрактику на барке, где сразу обратил на себя внимание любовью к порядку и требовательностью к его исполнению. Именно благодаря этим качествам Виталик и попал в элитную спецшколу подводных пловцов на Балтике, именно благодаря этим качествам он завоевал авторитет у командования и товарищей по оружию.

Служба в военно-морском спецназе была не из легких. В последние годы боевые пловцы оказались на редкость востребованными, и притом в тех операциях, о которых обычно не сообщают в программах теленовостей. Рутинные тренировки, ежемесячные сдачи нормативов и допусков, бесконечные авиаперелеты, скрытые боевые акции в разных морях и океанах...

Вот уже около года Саблин возглавлял небольшую мобильную группу, куда, кроме него самого, входили: новороссийский грек Коля Зиганиди, виртуозный специалист по минно-взрывному делу; петербурженка Катя Сабурова, один из лучших боевых пловцов Балтфлота; и до недавнего времени Леша Логвинец, незаменимый специалист в области всего, что касается связи, криптографии и компьютерных технологий.

Трудно было поверить Саблину, что Леша уже нет в живых – Логвинец погиб во время последней операции на Занзибаре. К тому же погиб от предательски выпущенной в спину пули, наверное, даже не успев понять, что произошло; и от этого на душе было еще тяжелее. Человека нет, а жизнь идет. И теперь вместо Леша Логвинца непосредственный командир группы контр-адмирал Федор Ильич Нагибин, бывший ни много ни мало начальником Главного разведывательного управления всего Балтийского флота, представил Саблину новую кандидатуру – старлея Петра Беляцкого. И теперь только от Боцмана зависело, станет ли этот молодой спецназовец членом группы или же нет. Своего мнения контр-адмирал старался не навязывать. Беляцкий был моложе Саблина, а потому во время учебы и плавпрактики их пути не пересекались. И Виталий, и Катя Сабурова, и Коля Зиганиди внимательно присматривались к новому товарищу. И каждый раз сравнение с Логвинцом было не в пользу старлея – немногословный, неулыбчивый... Но чтобы понять человека до конца, нужно с ним побывать в деле. И потому Боцман не спешил делиться своими сомнениями с товарищами. Все-таки, если контр-адмирал Нагибин остановил свой выбор именно на молодом человеке, то для этого должны иметься веские основания. Случайных решений начальник ГРУ всего Балтийского флота никогда не принимал.

Но где ж ты разберешься в тонкостях души, когда пятые сутки подряд томишься в металлическом «гробу» субмарины, изнывая в ожидании? Саблину казалось, что он уже с закрытыми глазами может в мельчайших подробностях описать торпедный отсек – до последнего винтика, до последней заклепки и даже царапинки. Открой веки, и ничего нового не увидишь.

Да, позади были пять дней похода и проводы субмарины. Странными они показались Саблину. Контр-адмирал Нагибин сам привез подводных спецназовцев на своей служебной машине к громаде какого-то здания, расположенного у самого побережья. Здание чем-то напоминало заводской цех, но, как оказалось, внутри почти всю его площадь занимал огромный бассейн, в торце которого виднелись шлюзовые створки, соединяющие его с морем. У небольшого причала возвышалась низкая рубка субмарины. Нагибин еще раз повторил задание и пожелал успешного возвращения. Экипаж и спецназовцы зашли на борт, люк был задраен, и подлодка начала погружение.

На стеллаже с торпедами хватило места для всех четверых подводных боевых пловцов. Виталий коротал время с любимым журналом «Шахматное обозрение», разыгрывая сам с собой хитроумные задачи. С небольшой коробочкой магнитных шахмат он не расставался никогда.

Командир субмарины, розовощекий сорокалетний кавторанг Игорь Игнатьевич Дулов, понравился Саблину сразу, с первого взгляда. Хороших людей видно издали: плечистый, жизнерадостный, и рукопожатие сильное, а не то что у Беляцкого – ладонь подает, а такое впечатление, будтожимаешь дохлую рыбу.

Подлодка – это замкнутый мир. Во время похода далеко не всегда есть возможность связаться с базой. Даже командир может не знать точно, какое именно задание поставлено перед ним и экипажем. Еще на берегу перед самым походом он получает приказ выйти в такой-то квадрат, при этом ему вручают пачку запечатанных конвертов, на которых только и стоят порядковые номера. Выйдешь в заданный квадрат – нужно вскрыть конверт с таким-то номером, а в нем следующий этап задания, и указаны номера конвертов, которые предстоит вскрыть в различных ситуациях.

Непосвященному трудно понять, как можно практически вслепую управлять подлодкой. На субмаринах нет иллюминаторов, экипаж находится в наглухо задраенном металлическом корпусе. Но если бы они и были, то что можно увидеть через них на глубине, куда почти не проникает солнечный свет? Подводники всецело зависят от приборов, во много раз превышающих возможности человеческих органов чувств. Однако человек все же привык полагаться на собственное зрение.

В этом смысле новая мини-субмарина являлась одной из лучших и самых удобных в управлении. Все показания внешних приборов сводились на центральный компьютер, а он уже рисовал на экране схематическую картинку окружающего пространства. На темно-синем фоне из белых линий складывались силуэты скал, плавно изгибались контуры донных впадин, занесенных илом. Подводный мир на экране казался сплетенным из белесой проволоки.

Именно эту картину и наблюдал на мониторах центрального поста Саблин с товарищами. На голубом экране струились, медленно изгибаясь, белые линии, очерчивающие донный рельеф: скалы, ложбины между ними...

– До выхода в заданный квадрат остается не более часа, – проговорил командир подлодки, не отрывая взгляда от экрана. – Наш акустик засек наличие двух китайских военных кораблей у входа во фьорд, поэтому десантироваться вам предстоит из подводного положения...

Проговаривая слова, командир субмарины негромко выбивал пальцами по подлокотнику кресла незамысловатую мелодию: «Чижик-пыжик, где ты был? На Фонтанке водку пил. Выпил рюмку, выпил две...» Саблин не удержался и улыбнулся.

– Не обращайтесь внимания, товарищ каплей, – лицо Дулова тоже стало улыбочивым. – Просто навязчивая мелодия прилипла, никак не могу избавиться. Так что десантироваться вам придется из подводного положения. Понятно?

Ничего неожиданного в словах Дулова для Саблина не было, ведь отрабатывались всякие варианты высадки группы на берег.

– Таким образом, у вас пошло время на подготовку.

– Понятно, товарищ кавторанг. Спасибо за информацию.

Боцман кивнул своим товарищам. Они вновь перебрались в осточертевший за время ожидания торпедный отсек. Люк в переборке тут же задраили. Стандартная процедура. Все переходные люки на субмарине подводники закрывают с таким же упорством, с каким рачительный школьный завхоз гасит освещение в классах после уроков. Оно и не удивительно – от этого зависит живучесть корабля. В любой момент может случиться непредвиденное: корпус даст течь или возникнет пожар, а потому все отсеки должны быть изолированы друг от друга, чтобы беда одних не стала трагедией для всего корабля.

Саблин тщательно упаковывал оружие, боеприпасы и паек НЗ в водонепроницаемый мешок. Его товарищи занимались тем же, избегая смотреть друг на друга, ведь у каждого есть свои слабости. Так, Боцман запаковал в пакет и коробочку с магнитными шахматами, и журнал «Шахматное обозрение».

И тут внезапно корпус подлодки содрогнулся. Это не был удар в полном смысле этого слова. Субмарина дернулась, словно воткнулась во что-то мягкое. Тут же включилась внутренняя связь, но никто к спецназовцам не обратился. Наверное, на это просто не оставалось времени. Из динамика доносились голоса тех, кто находился на центральном посту.

– Товарищ командир, думаю, это металлическая сеть, поэтому наш пассивный гидролокатор ее и не обнаружил, – донесся взволнованный голос старпома.

– Полный назад, – стараясь быть спокойным, приказал кавторанг Дулов.

– Есть полный назад.

Но субмарина еще продолжала движение вперед по инерции. Саблин услышал, как скрежещут по прочному корпусу стальные тросы противолодочной сети. Этот звук зловеще отзывался в черепной коробке. И тут что-то треснуло; скорее всего, порвался один из тросов.

– Черт! – прозвучал далекий голос из динамика. – Мы ее на винт наматываем.

Вся подлодка мелко задрожала, послышался глухой удар, и Саблин почувствовал, как пол уходит у него из-под ног. Над головой заискрила проводка, тревожно мигнул свет, а затем тускло загорелись лампочки аварийного освещения, и лодка наклонилась.

Уже в падении Боцман успел оттолкнуть Катю – прежде чем со стеллажа сорвались и загрохотали торпеды. Корпус вибрировал. Саблин огляделся. Все его бойцы были целы. А вот с лодкой творилось что-то неладное.

Боцман лежал у самой переборки и почему-то видел перед собой стоящую вертикально рифленую дорожку пола. Дежурная лампочка тоже была не вверху, как положено, а на стене.

– Набок завалились, – наконец-то дошло до Саблина.

Проводка продолжала искрить, торпедный отсек медленно наполнялся дымом.

Боцман вырвал из держателя углекислотный огнетушитель и направил раструб на очаг возгорания. Зашипел сжатый газ. Вроде бы огонь погас, лишь электрика изредка продолжала искрить. Из динамика межотсечного переговорного устройства долетали тревожные команды. Все, что успел понять Боцман, – так это то, что центральный пост, расположенный в соседнем втором отсеке, стремительно заполняет забортная вода.

Свет еще раз мигнул и погас окончательно. Наступила полная темнота, а за ней и тишина.

– Эй, все целы? – негромко спросил Саблин.

– Я цела, – первой отозвалась Катя Сабурова.

Вслед за ней подал о себе знать и Коля Зиганиди.

– И я в порядке, – новичок отозвался последним. – Голова цела, а вот правую руку, по моему, сильно растянул, товарищ капитан-лейтенант.

Саблин пошарил вокруг себя и, отыскав водонепроницаемый мешок, нащупал фонарик. Яркое пятно света прошло по торпедному отсеку. Да, подлодка, судя по всему, уже лежала на дне, завалившись набок. Торпеды, сорвавшиеся со стеллажей, громоздились на шпангоутах, и оставалось только надеяться на то, что ни одна из них не самоактивировалась от удара. Что творится в других отсеках, и Боцман, и его товарищи могли только догадываться – переговорное устройство вышло из строя.

Стараясь не сильно тревожить погромыхивающие под ним торпеды, Виталий на четвереньках подобрался к переборке и постучал фонариком в задраенный люк, ведущий во второй отсек. Удары прозвучали глухо – так, словно капли били в каменную стену.

Катя, Коля и Петр напряженно ждали. Но в ответ им была лишь тишина. Саблин постучал снова, на этот раз сильнее.

– Ты же подлодку стуком выдашь, – прошептала Сабурова, хватая его за руку.

– Мы и так уже себя выдали, когда за сеть зацепились.

Спецназовцы помолчали. Никому не хотелось первым говорить о непоправимом.

– Второй отсек полностью заполнен водой, – наконец произнес Саблин.

И тут до их слуха донеслось тихое постукивание.

– Это в хвостовом стучат, – вздохнула Сабурова. – А центральный пост залит, это точно.

Им уже ничем не помочь.

Слова прозвучали довольно сухо и без лишних эмоций. То ли Сабурова была такой бездушной, то ли ситуация требовала максимальной сосредоточенности. Ведь если людям нельзя ничем помочь, к чему тратить силы и энергию на изобретение нереальных планов? В конце концов, спецназовцы были лишь пассажирами подлодки, и у них имелось свое четко поставленное задание.

– Когда выберемся, сообщим на базу об аварии, – произнес Саблин. – На какой мы примерно глубине? Метров пятьдесят?

– Сорок пять, – тут же подсказал Беляцкий.

– Ты уверен, старлей? – Боцман впервые назвал нового члена группы на «ты».

– Абсолютно. Такую глубину показывали сонары на мониторе центрального поста.

– Молодец, – сухо похвалил Саблин. – Поскольку покидать субмарину мы должны были через шлюз в хвостовом отсеке, а это в сложившейся ситуации нереально, подумаем, какие у нас есть варианты.

По глазам Боймана было понятно, что вариант у него есть. С полминуты царило молчание. Наконец Катя Сабурова произнесла:

– Предлагаю покинуть субмарину через торпедный аппарат.

– А справишься? – прищурился Саблин.

– В стандартной экипировке туда не забраться, слишком узко. Значит, акваланг отпадает. Но можно взять с собой один баллон с шлангом и загубником. Этого хватит, чтобы подняться на поверхность. Ведь всплывать придется поэтапно из-за опасности возникновения кессонной болезни.

– Естественно, надувную моторку взять с собой мы не сможем. До берега доберемся вплавь. К тому же сейчас ночь, – взглянул на часы Коля Зиганиди.

Петр Беляцкий обвел глазами товарищей. Он сидел на торпеде, прижимая к животу поврежденную руку.

– Слава богу, не вывихнул, а растянул, – пояснил он.

– Итак, – уже приказным тоном произнес Саблин. – Первой через торпедный аппарат покидаешь субмарину ты, Катя. За тобой идет старлей Беляцкий. Третьим – Коля. Если что, подстрахуете его, – кивнул он на Петра.

Себя в числе покидавших подлодку Саблин не назвал по той простой причине, что надо же кому-то закрыть люк торпедного аппарата и выпустить боевого пловца в море. Кто-то один обречен остаться на субмарине – сам за собой люк в торпедном аппарате не закроешь.

– Товарищ капитан-лейтенант, – попыталась возразить Катя. – Разрешите мне остаться. Нельзя лишить группу командира.

– Это мне решать, Катя, – отсек предложение Саблин.

И тут, к его удивлению, Петр Беляцкий поднял голову.

– Разрешите мне остаться? – произнес он, и не успел Саблин возразить, как новичок добавил: – У меня правая рука повреждена, и в интересах выполнения задания идти с группой следует вам, товарищ капитан-лейтенант.

– А ведь он прав, – криво усмехнулся Зиганиди.

– Вы уже успели сработаться, а я все еще чужой среди вас, – вставил Беляцкий.

– Погеройствоваться захотел? – хрипло спросил Бойман.

– Никакого геройства, просто трезвый расчет.

Саблин не любил, когда ему возражали, хотя встречное мнение выслушивал всегда охотно.

– Жизнь слишком дорогая штука, чтобы ей мог распоряжаться кто-то один, даже если он ее хозяин. Предлагаю голосовать. Кто против того, чтобы остался старлей? – И Саблин сам первым поднял руку, однако остался в одиночестве, после чего мрачно спросил: – Теперь кто «за»? Трое против одного, – обвел он взглядом три поднятых руки. – Ну, с тобой-то все ясно, – прищурился Бойман, глядя на Беляцкого. – А вот от вас, друзья-товарищи, такого не ожидал... Вот только последнее слово всегда остается за командиром.

Петр напряженно ждал. По его взгляду было видно, что он не готов смириться с несправедливым, на его взгляд, решением.

– Старлей, ты остаешься. Я иду третьим, – произнес Саблин и подал Петру руку.

На этот раз рукопожатие получилось крепким и со стороны старлея.

– Надеюсь, еще увидимся, – проговорил Беляцкий, хотя сам не верил в свои слова.

Уже ушли сквозь торпедный аппарат Коля Зиганиди и Катя Сабурова. Бойман вытащил из раскрытого водонепроницаемого мешка пистолет для подводной стрельбы и журнал «Шах-

матное обозрение» с коробочкой с магнитными фигурками, сунул их за пазуху гидрокостюма, вжикнул застежкой. И тут Беляцкий неожиданно подмигнул:

- Какой у нас сегодня день, товарищ капель?
- Вроде понедельник, – растерялся Боцман.
- Хреново неделька начинается... Не поминайте лихом.

Боцман опустил на глаза маску и, сведя плечи, забрался в узкое жерло торпедного аппарата.

Беляцкий подал ему баллон со сжатым воздухом, после чего закрыл люк и дернул рычаг. Саблина выбросило в море.

Вокруг была кромешная темнота, а потому он даже не сразу сориентировался, где верх, а где низ. Лишь когда его перестало вращать, когда он замер и почувствовал, что выталкивающая сила сама движет его вверх, начал медленный подъем. В стороне коротко вспыхнули и погасли два фонаря.

«Значит, у Кати и Коли все в порядке».

Всплытие с глубины всегда сопряжено с риском. Немного не рассчитаешь – и растворенный в крови азот при уменьшении давления может закипеть. Но почему-то глубиномер показывал всего десять метров. Боцман почувствовал неладное.

Вверху угадывалась зеркальная водная поверхность, изломанная невысокими волнами. На ней проступили силуэты Сабуровой и Зиганиди. Саблин сделал несколько толчков ногами и тихо вынырнул в темноту. В паре метров от него угадывались головы Кати и Николая.

И тут над головами у пловцов-спецназовцев ярко вспыхнул свет. Он залил большое помещение, похожее на заводской цех, более половины которого занимал бассейн, облицованный старомодным белым сантехническим кафелем. Боцман с товарищами переглянулись с недоумением. Они-то считали, что вынырнут в китайском фиорде, а почему-то оказались в том самом бассейне-доке, откуда субмарина отправлялась в поход...

Подобное настолько удивило Боцмана и его товарищей, что Саблин даже позволил себе выругаться матом. Теперь его не удивило и зрелище сидевшего на бортике бассейна в раскладном походном кресле контр-адмирала Нагибина. Федор Ильич щелкнул кнопкой секундомера.

– Подгребайте сюда, – махнул он рукой.

Первым на борт выбрался Саблин, даже не воспользовавшись блестящей лесенкой из нержавеющей стали – он просто уперся руками в кафель и сделал выход силой. Затем подал руку Сабуровой. Та хотела отказаться: мол, подавать спецназовцу руку, даже если это женщина, – оскорбление. Но Нагибин напомнил:

– Испытание вы прошли, оно окончено. А потому можно и галантность к даме проявить, – и контр-адмирал сам подал Кате руку.

На этот раз она не отказывалась.

– В норматив вы уложились. Решение покинуть подлодку через торпедный аппарат приняли практически мгновенно, – Нагибин сделал паузу, ясно было, что он так и недосказал всего до конца.

– Товарищ контр-адмирал, – официально ледяным тоном обратился к Нагибину капель Саблин. – Так, значит, все это время мы провели здесь, а пятидневный поход и крушение – только иллюзия?

– Да, друзья мои, иллюзия электроники. Подлодка на самом деле тренажер. Прошу прощения за то, что заставил поволноваться и решать непростые задачи, но мне важно было понять, как вы поведете себя в реальной обстановке.

Саблин ожидал, что речь сейчас пойдет об оставшемся на тренажере-подлодке Беляцком.

Свет ярких прожекторов пробивал воду; в глубине бассейна колыхался размытый волнами силуэт субмарины, повернутой на бок. Но главное контр-адмирал отложил напоследок...

– А теперь посмотрим, что вам удалось прихватить с собой. Ведь задание предусматривало не просто высадку на берег, а эвакуацию нашего агента.

На пластиковый стол легли три пистолета, пригодные для подводной стрельбы, и запасные обоймы.

– Кажется, это не все, – хитро прищурился Нагибин.

Саблин неохотно вытащил из-под гидрокостюма упакованные в пластик журнал «Шахматное обозрение» и коробочку с фигурами. Контр-адмирал покачал головой:

– Я уважаю чужие слабости, но не до такой степени. В следующий раз, каплей, лучше прихватите с собой еще несколько обойм. А вот выбор оружия приветствую, особенно если учесть, что из-за аварии субмарины для эвакуации пришлось бы использовать сухопутный маршрут. А теперь вернемся к эпизоду, предшествующему моменту, когда вы трое покинули подлодку... – и вновь Нагибин сделал паузу.

Саблин напрягся, ведь он и сам не до конца был уверен – поступил ли правильно.

– Выбор был сделан верно, – наконец произнес контр-адмирал. – Верх взяли не амбиции, а трезвый расчет. Человек с травмой, пусть и небольшой, в условиях, когда группа уменьшается на одного участника, стал бы обузой. Так что поздравляю, испытание вы прошли. И теперь пришла очередь сдержать данное вам слово. Впереди вас ожидают две недели отпуска, который вы можете провести по своему усмотрению. У вас же есть планы?

Саблин, Сабурова и Зиганиди переглянулись. Планы-то у них имелись, но дело в том, что сложились они еще до того, как погиб Леша Логвинец.

– Дело в том, товарищ контр-адмирал... – начал было Саблин.

– Я все знаю, капитан-лейтенант, про ваши планы. Знаю, о чем вы говорили со старлеем Логвинцом. Знаю, что Зиганиди приглашал вас всех провести отпуск у него на родине, под Новороссийском. Служба у меня такая – знать не только то, о чем вы говорите, но даже и то, что вы думаете. И совсем не потому, что среди вас есть стукач, который мне докладывает.

Саблин посмотрел в ярко освещенную воду бассейна, под которой угадывалась субмарина-тренажер.

– Не знаю, согласится ли Беляцкий, но мы хотели бы поехать отдыхать вместе с ним. Ведь правда, ребята? Надо же нам притереться друг к другу, – словно бы извиняясь, предложил Саблин.

– Естественно, – согласился Николай. – Он ради дела жизнью своей пожертвовал.

– Я не против, – кивнула Катя.

– Ну, вот и отлично, – просиял Нагибин. – Честно говоря, я на это и рассчитывал. Вы не смотрите, что он молчаливый и не улыбочивый. Я людей насквозь вижу. Он из того же теста, что и вы.

– Мы это уже поняли. – Саблин взял со стола журнал и шахматы. – Пока всплывал, обдумал один интересный дебют.

– Можете расположиться в комнате отдыха. Вам еще придется подождать часиков пять-шесть, пока появится ваш товарищ. Ведь я сейчас изменяю условия учений для экипажа подлодки. По их версии, центральный пост затоплен только на треть, и им придется побороться за живучесть судна. Ведь эти учения последние. В ближайшее время они поведут настоящую подлодку на обкатку. Так что придется вашему старлею посидеть в торпедном отсеке в одиночестве, прежде чем субмарина сумеет всплыть. Ну, что ж, он сам решил остаться. Так что обид никаких.

Глава 3

Последняя неделя выдалась для инженера Александра Доморадова тяжелой. Доводка мини-субмарины потребовала сил и нервов. Постоянно возникали какие-то мелкие неисправности, о которых на стадии проектирования и изготовления корабля и подумать было невозможно. А потому приходилось исправлять их прямо на ходу, искать оптимальные решения...

И вот наконец акт о приемке корабля подписан. Теперь можно расслабиться.

Ночь уже опустилась на город. Трезвый Доморадов вел машину по полупустым окраинным улицам. Вдоль узких тротуаров тянулись бетонные заборы, промышленные корпуса, среди которых затесалась и обширная охраняемая автостоянка. Сторож сверился с номерами машины в журнале и поднял шлагбаум.

Автомобиль катил вдоль одинаковых ячеек навеса, под которым стояли машины. Один поворот, второй – и, наконец, Доморадов, зарулив на свою стоянку, заглушил двигатель. Сразу же стало тихо и спокойно. Открыв дверцу, он опустил ноги на землю, закурил и полез во внутренний карман. Блестящая фляжка из нержавейки привычно легла в руку, пальцы машинально открутили пробку. Александр сделал несколько небольших, но жадных глотков и тут же почувствовал, как хороший коньяк проясняет мысли.

Он выбрался из-за руля. Центральный замок щелкнул, коротко пискнула сигнализация. Но даже выйти из своей ячейки Доморадов не успел. Перед ним, словно из-под земли, появился низкорослый мужчина в черном, из-под вязаной шапочки поблескивали раскосые глаза.

– Стоять, – тихо и вкрадчиво прозвучал голос.

В неверном свете фонаря блеснуло лезвие ножа. Доморадов хотел позвать на помощь, но так и застыл с открытым ртом. Что-то жесткое ткнулось ему между лопаток, и голос из-за спины сообщил:

– А вот это уже пистолет. Так что не кричи.

Доморадов медленно поднял руки, продолжая в одной сжимать фляжку со спиртным, а в другой ключи и электронный брелок от машины.

– Деньги у меня в левом кармане куртки, – подсказал инженер. – Там немного.

– А кто тебе сказал, что нам нужны деньги? – раздался голос из-за спины.

И тут Доморадов почувствовал, как что-то острое и тонкое впилося ему в основание шеи. Инъекция отозвалась мгновенной болью, а затем в голове произошло помутнение. Бетонный фонарный столб внезапно изогнулся змеей, склонился к земле, и Александр даже не понял, что падает.

Низкорослые мужчины в черном подхватили обмякшее безвольное тело под руки и поволокли вдоль проезда к машине с открытым багажником. Тяжело пыхтя, они закинули туда грузного Доморадова. Кореец с забинтованной правой рукой склонился над ним, чтобы слышать ровное дыхание. Крышка багажника захлопнулась. Легковая машина неторопливо тронулась с места, то и дело мигая рубинами стоп-сигналов.

Благополучно миновав шлагбаум при въезде, корейцы вырулили на улицу. Ехали не торопясь, соблюдая абсолютно все правила дорожного движения. И только за городом позволили себе разогнаться.

Свет фар выхватывал из темноты ярко-белую разметку, машина летела по дороге. Наконец автомобиль свернул на гравийку, ведущую к побережью. Скрипнули тормоза, погасли огни, смолк двигатель. Кореец с забинтованной рукой вышел из машины и, достав фонарик, несколько раз моргнул им в сторону моря. Наступило напряженное ожидание.

В ночи прорезался ответный луч. Наконец низкорослые корейцы скупно улыбнулись. Из темноты на веслах выплыла надувная моторка, ткнулась носом в берег. Захрустела галька. Торопясь, корейцы вытащили из багажника бесчувственного Доморадова, поволокли его на

пляж; разделы, абсолютно голого засунули в спальный мешок и закрыли молнию. Действуя уже вчетвером, они погрузили инженера в надувную лодку, и та без единого всплеска вновь исчезла в темноте. Кореец забинтованной рукой вытер вспотевший лоб.

Машина развернулась на пяточке перед пляжем и понеслась к поселку. На окраине автомобиль свернул к воротам, возле которых красовалась надпись «Изготовление нестандартных металлоконструкций». Залаяла собака, но, признав своих, тут же смолкла. Зазвенели ключи, приоткрылись железные ворота небольшого цеха. Вспыхнул тусклый свет. Старательно заперев дверь на засов, корейцы взялись за дело.

В углу под всяким тряпьем лежал мертвый мужчина, примерно одной комплекции с Доморадовым. Корейцы торопливо стали облачать его в одежду инженера. А затем включили гидравлическую гильотину для нарезки металлических листов.

Гудели электромотор и масляный насос, выдвигались и втягивались блестящие штоки гидроцилиндров, зловеще лязгали гигантские ножницы гильотины, расчленяя мертвое тело. Все, по чему можно было бы уверенно опознать человека: голову, кисти рук, ступни – вновь забросали тряпьем. Расчлененный труп загрузили в две большие сумки, вытащили их на улицу. Пес, почуяв запах мертвого тела, жалобно заскулил и забился в будку.

...Била тугая струя из шланга, смывая с гильотины и бетонного пола следы крови. Свет в цеху погас. Звякнули ключи в замке, и машина с двумя тяжелыми сумками в багажнике покинула территорию мастерской по изготовлению нестандартных металлических конструкций.

А через три дня на столе в морге судмедэкспертизы лежали выловленные в море фрагменты тела. Сохранившиеся на них части одежды, а также некоторые вещи, найденные в карманах, однозначно свидетельствовали, что принадлежат они пропавшему инженеру Александру Доморадову. Сказать что-либо точно про причину смерти было сложно. Возможно, бедняга сперва утонул – ведь в тканях были обнаружены следы алкоголя, – просто свалился в воду. Во всяком случае, расчленена была уже мертвая плоть. Заключение патологоанатома свидетельствовало, что, скорее всего, труп Доморадова порубило на куски винтами одного из кораблей.

* * *

Еще в советские времена журналисты любили писать о странах и городах контрастов. Обычно этот термин употребляли, когда речь шла о западном мире. Ведь идеологически выдержанный писака или фотокорреспондент, блаженствующий на командировочные в загнивающих «каменных джунглях», обязательно должен был отыскать какой-нибудь негатив. А отыскать-то не так-то просто, когда вокруг небоскребы, полчища машин, магазины ломаются от изобилия товаров, и даже пособие по безработице в несколько раз больше зарплаты советского инженера. Однако голь на выдумки хитра. Вот и выкручивались.

Поступает к главному редактору «Правды» или «Известий» фотография центра Нью-Йорка. А ушлый журналист, переславший ее, уже и подпись придумал: «Нью-Йорк – город контрастов, из-за небоскребов не видно обветшавших домов». Теперь такую фотографию с подобной подписью не стыдно и на первую страницу главной партийной газеты поставить. Все идейно выверено.

Однако советская пресса упрямо не хотела замечать контрасты в социалистических государствах, самым одиозным из которых и поныне остается Корейская Народно-Демократическая Республика, или, проще говоря, Северная Корея. Странное дело – на Корейском полуострове живет один народ. Но контраст между Югом и Севером такой, что и оценить его сложно. Южанам повезло – попали они в американскую сферу влияния и стали одной из самых богатых наций в регионе. А вот северные корейцы под руководством мудрого и великого вождя Ким Ир Сена при поддержке коммунистических советников из СССР и Китая стали строить социализм по образцу Сталина и Мао со всеми вытекающими из этого последствиями.

Практически весь мир сильно изменился с тех пор, но только не Северная Корея. Она воистину сделалась страной контрастов. Тут случались годы, когда от голода умирали миллионы людей, но при этом в стране всю форсировалась и форсируется программа создания военных ракет, способных доставлять ядерные заряды. Правда, ракеты эти почему-то летят совсем не в ту сторону, куда их запустили... Одна, например, чуть во Владивосток не угодила. Однако народ горд своим мудрым и любимым руководителем. Не у каждого хватит духа пережить великим державам. А Северная Корея словно специально нарывается на неприятности и международные санкции. Есть и другие поводы для гордости – стоят по всей КНДР бронзовые памятники ее создателю и вечному руководителю Ким Ир Сену. И неважно, что он уже давно умер, передав власть своему сыну. Но официально великий вождь и до сих пор считается руководителем страны, бессмертным и несменяемым. Ну, чем не контраст? А есть и другие.

В столице, Пхеньяне, имеются даже небоскребы. Вот только лифты в них не предусмотрены. И местный водопровод не в состоянии подавать воду на верхние этажи. А в них люди живут, ходят пешком по лестницам, воду ведрами носят, а на балконах еще умудряются свиней и кур держать, чтобы с голоду не загнуться, потому как все распределяется по карточкам. Ну, разве что по решению трудового коллектива передовику производства могут позволить купить себе в год не одни трусы и две пары носков, а двое трусов и три пары носков. А уж если ваша семья имеет возможность каждый день на завтрак питаться яйцами, то вы уже относитесь к тому слою общества, который на Западе принято называть средним классом.

А еще в Северной Корее очень любят масштабные зрелища. У них даже оперный театр самый лучший в мире – в смысле оборудования. Там настоящий горный водопад на сцене можно устроить и морское сражение организовать. И это при том, что первый светофор в Пхеньяне появился чуть больше десятилетия тому назад. А к чему светофоры, если машин раздвигать и обчелся? На них только высшее руководство страны разъезжает.

Но опера – это на любителя, не каждому она с голодухи понравится. А потому несколько раз в год для северокорейского народа организуют парады и отмечают на стадионах праздники, типа дня рождения Ким Ир Сена с масштабными театрализованными массовыми действиями...

Если в городе вывешивают флаги, значит, случился праздник. В этот день весь Пхеньян прямо-таки пестрел флагами, бумажными фонариками и кумачовыми лозунгами, прославлявшими мудрое руководство и идеи «чучхе». «Чучхе» – это, кстати, совсем и не ругательство, а принцип существования государства, которое обозначает опору во всем только на собственные силы – мол, и продовольствием сами себя обеспечим, и промышленными товарами. Вот только иногда незадачи случаются – люди от голода мрут. Тогда корейское руководство с Западом торгует. Дескать, давайте, присылайте нам гуманитарную помощь, мешки с рисом везите, тогда мы свою ядерную программу попридержим, не станем свою атомную бомбу создавать. Гуманитарку дадут, сотни тысяч жизней спасут, а после нового урожая Северная Корея вновь за старое – новую ядерную программу разворачивает или артобстрел соседних островов наладит. Приловчилось руководство жить в условиях «осажденной крепости», есть чем с богатым Западом торговаться...

Обычно в Пхеньяне уличное освещение гасят рано, еще до полуночи, и тогда из космоса северная часть полуострова кажется космической черной дырой на фоне освещенной Южной Кореи, Японии и Сингапура. Но в праздник можно позволить себе и пошиковать.

Солнце уже давно скрылось за горизонтом, а все фонари и подсветка зданий в Пхеньяне пылали всю. Горели и прожектора на осветительных мачтах главного стадиона. Народу в нем собралось видимо-невидимо – ни одного места свободного, ведь приглашения строго по трудовым коллективам, по разрядке идут. Не придешь – можно и в трудовой концентрационный лагерь угодить.

На футбольном поле красивые кореянки в разноцветных полупелюшках танцуют, руками машут, ветер гоняют и поют про свою счастливую жизнь. За ними такие же счастливые

дети выйдут и тоже петь начнут. Над головами у всех лазерное шоу и вспышки фейерверка. Противоположная от правительственной трибуна специально обученными студентами заполнена, у каждого набор на палочки натянутых разноцветных шелковых полотнищ. По команде «дирижера» они их перед собой поднимают – и складываются из шелковых полотнищ разные картинки: то портрет великого вождя Ким Ир Сена, то герб КНДР, то горный пейзаж... Любота!

Попасть на кульминацию государственного праздника на стадион – это огромное счастье для простого корейца. Сюда только лучших из лучших допускают – передовиков производства. Они на обычных местах сидят. А есть еще и гостевая трибуна, туда уже только по персональным приглашениям крупные чиновники заходят, партийные, военные деятели и представители трудовой интеллигенции. Но существует и «Поднебесная». Там сам Любимый Руководитель восседает с приближенными – первые люди в государстве.

Ранее адмиралу Пак Нам Чхолью, командующему подводными кораблями Восточного флота КНДР, никогда прежде не приходилось сидеть на правительственной трибуне да еще рядом с самим Любимым Руководителем. До этого его место было на гостевой. А вот теперь почему-то выпало такое счастье, и даже сам руководитель государства почему-то ласково посмотрел на него, блеснув стеклышками интеллигентских очков. Что может означать такое возвышение, Пак Нам Чхоль не знал, хотя и сделал для своей страны немало – конечно же, в мерках доступного ему финансирования. Ведь нет у Северной Кореи ни своих подводных атомодов, ни даже приличных дизельных субмарин. В основном бывшее советское и китайское старье, купленное по цене металлолома, – только для военно-морского парада и годится.

Мелькали в ночном небе разноцветные лазерные лучи. Вспыхивали, разворачивались тигровыми лилиями сполохи фейерверка. Самые красивые корейки кружились на футбольном поле в синхронном танце. Но не об этом великолепии думал северокорейский адмирал, а все гадал, почему это вдруг сегодня оказался среди небожителей.

И тут сам Любимый Руководитель – невысокий, круглолицый, коренастый, одетый в скромный полувоенный френч – тронул Пак Нам Чхолья за плечо и негромко предложил:

– Пройдемте, товарищ адмирал, в комнату отдыха, – и сразу же поднялся сам, неторопливо двинулся к малоприметной двери.

Сопровождали его два телохранителя.

Адмирал вздрогнул и двинулся вслед. Мысли его метались. Любимый Руководитель вел его не в комнату отдыха, предназначенную для других восседавших на правительственной трибуне, а в свою личную, только для него и предназначенную.

Один из охранников предупредительно открыл дверь. Второй, пропустив Любимого Руководителя, не сделал и шагу дальше. Адмирал глубоко вздохнул, переступил порог и тут же замер в благоговейном страхе. Нет, не изысканность интерьера поразила его – тут-то как раз все было просто, хоть и со вкусом. Широкий кожаный диван, стол с фруктами и легкой закуской, с десяток кожаных же кресел-бегемотов и большой жидкокристаллический экран на стене. Но в одном из кресел почему-то восседал еще один Любимый Руководитель – спину держал прямо, словно палку проглотил. Это не укладывалось в голове, ведь Руководитель должен быть один, а их два... И только потом в воспаленном мозгу мелькнула догадка – двойник.

Повинуясь жесту главы государства, двойник поднялся, взял со стола стакан с водой и с отсутствующим видом проследовал мимо адмирала к выходу. Пак Нам Чхоль даже дыхание задержал, ненавязчиво провожая его глазами. Все движения, покачивания телом и даже легкое прихрамывание было повторено за настоящим главой государства точь-в-точь.

Двойник со стаканом воды вновь появился на правительственной трибуне и занял свое почетное место. Никто и не заметил подмены.

– Присаживайтесь, адмирал, – предложил Любимый Руководитель, указывая на одно из кресел.

Сам же глава государства расположился на кожаном диване. Показная скромность мгновенно улетучилась. Взгляд из-под очков стал хитрым, словно сверлил собеседнику душу. Одну ногу Любимый Руководитель закинул на другую, затем передумал, раздвинул колени и раскинул руки по широкой кожаной спинке дивана.

Пак Нам Чхоль сидел на самом краешке кресла, почти не перенося на него тяжесть тела. Он именно присел и напряженно ожидал, что же поведает ему всесильный хозяин.

– Вы неплохо служите нашей коммунистической родине, – глава государства скользнул взглядом по наградным планкам на груди адмирала. – Я впечатлен тем, как вы развиваете на высоком посту проект своего предшественника.

Пак Нам Чхоль в знак благодарности кивнул. Оказывается, он сделал правильный выбор, поставив на развитие небольших субмарин, способных доставлять группы диверсантов. Эти подлодки были просты и дешевы в изготовлении, а операции, проводимые при их помощи, во многом напоминали приемы ведения войны японцами в сороковых годах. Это были те же самые камикадзе. Подлодки подходили к южнокорейским судам или побережью и совершали диверсии. Диверсанты, а их готовили в основном из числа молодых женщин, обычно гибли. А потом начинались дипломатические ноты и споры: кто виноват, кто первым напал... и у северокорейского руководства появлялись очередные козыри и предметы торга в спорных территориальных вопросах и в неурегулированных до конца взаимоотношениях с Южной Кореей. Условия жизни в «осажденной крепости» Любимый Руководитель умел использовать на «сто двадцать процентов», представляя диверсии как сознательные провокации южан.

– Я оценил ваше старание, адмирал, – негромко говорил глава государства, но при этом его тихий голос проникал в каждую клеточку мозга Пак Нам Чхоля. – И в порядке самокритики должен признать, что партийное руководство недостаточно внимания уделяло развитию нашего подводного флота. Вы готовы взяться за его переоснащение?

– Естественно, готов, – адмирал даже подался вперед. – Но для этого потребуются средства, технологии... Я готов составить записку. На чье имя?

Любимый Руководитель чуть снисходительно улыбнулся. Ему нравилось ставить подчиненных в тупик.

– Я не сомневался в вас и именно поэтому пригласил сегодня сюда. – Пухлые руки с короткими пальцами чуть приподнялись над спинкой кожаного дивана, словно самый могущественный северянин хотел обнять просторное помещение, лишённое окон. – Великие идеи «чучхе» предполагают опору во всем на собственные силы, – с прежней улыбкой вещал Любимый Руководитель. – Но иногда бывает не грех кое-что позаимствовать или, проще говоря, украсть у соседей. Так дешевле. По информации, которая мне поступила, русские закончили разработку и создание уникальной подводной лодки. Небольшая дизельная субмарина, так называемая «атакующая подлодка» или же «Hunter-Killer», то есть «убийца авианосцев», или SSN, по натовской классификации. Главное ее достоинство – почти полная «невидимость», этакая подводная технология «стелс». На ней можно абсолютно безнаказанно подходить к вражеским кораблям и уходить незамеченным. Есть еще много других интересных характеристик, с которыми вас познакомят подробнее мои помощники...

Любимый Руководитель явно говорил то, что подготовили ему референты. По большому счету он мог сразу свести адмирала с одним из своих помощников, но, озвучивая важное государственное дело, руководитель страны как бы демонстрировал, что он в курсе всего, разбирается во всем. И это поднимало его в глазах подчиненных.

– ... короче говоря, адмирал, наши военно-морские силы проводят учения в районе спорных с южанами островов, по которым вопрос все еще не урегулирован. Это демонстрация силы. А русские в это же время проводят обкатку своей новой субмарины. Они не избегнут искушения поинтересоваться ходом учений, и в вашу задачу входит обнаружение этой новой подлодки, и какими угодно способами – подчеркиваю, какими угодно – ее захватить. В случае,

если это не удастся и русские наши намерения раскроют – нужно просто уничтожить субмарину, чтобы избежать дипломатического скандала. Но это на крайний случай. Командующий учениями моим распоряжением будет подчинен вам. Сложная задача? – И без того узкие глаза Любимого Руководителя сделались еще уже, растянулись в улыбчивом прищуре.

– Учитывая технологию «стелс»... – развел руками Пак Нам Чхоль.

– У нас есть одна зацепка – русский инженер, проводивший ходовые испытания субмарины. Не буду вдаваться в подробности, но нам удалось имитировать его гибель и похитить из России. Кое в чем он уже сотрудничает с нами. Должен сотрудничать и с вами. Зовут его Александр Доморадов. Можете обещать ему все, что угодно, даже невозможное. Где надо – припугните, ведь для других он уже мертв. Главное, чтобы он помог вам завладеть субмариной.

Любимый Руководитель уже не стал спрашивать согласия адмирала на подобную грязную работенку. В его стране такое не было принято. Ты или исполняешь решение партийного руководства, или же идешь в расход.

Дверь, ведущая с трибуны, открылась, в нее важно зашел двойник. Он молча поставил пустой стакан и сел в кресло – спину вновь держал прямо, словно палку проглотил. Глядел не на присутствовавших, а куда-то в пространство, сквозь стену. Любимый Руководитель подал знак адмиралу, и вдвоем они вернулись на трибуну. Никто из гостей так и не заметил долгого отсутствия главы государства. А на футбольном поле кружились в танце северокорейские красавицы. В ночном небе разгорались огненные цветы фейерверка...

Глава 4

Испытание самой последней разработки российских оборонщиков – атакующей подлодки – подходило к концу. Сверхсекретная субмарина хоть и не числилась еще в составе ни одного из российских флотов, но уже имела свое имя. Идея назвать ее неброско «Щукой» принадлежала контр-адмиралу Нагибину. А почему бы и не назвать чудо современной техники в честь легендарных советских субмарин времен Второй мировой войны из серии «Щ»? Подлодки этой серии моряки любовно называли «щуками».

Позади остались доставка «убийцы авианосцев» во Владивосток, ночной спуск на воду, где доживают свое, ржавея у пирсов, списанные атомные ракетноносцы, и короткие проводы в первый поход – как и положено, произведенные под Андреевским стягом и коротким напутствием «крестного» этого проекта – контр-адмирала Нагибина. А затем «Щука» скрылась в туманной темноте.

Автономные испытания в Японском море уверенно подтверждали один за другим технические параметры, а в чем-то даже превосходили их: «скорость хода», «предельная глубина погружения», «бесшумность».

Командиру подлодки кавторангу Дулову только и оставалось, что трижды поплевать через левое плечо и суеверно добавить: «чтоб не сглазить». И вот когда программа испытаний оказалась исчерпанной, пришло время открыть очередной конверт, хранившийся в сейфе. Кавторанг озадаченно прочитал приказ – прибыть в подводном положении в заданный квадрат в расчетное время, осуществить всплытие и ожидать, сохраняя радиомолчание. Зачем это надо сделать, почему выбран квадрат в открытом море и чего именно следует ожидать – так и оставалось загадкой. Но во флоте, как и в вооруженных силах вообще, приказы не обсуждаются, их следует выполнять. А потому, когда Дулов появился на центральном посту, он скомандовал:

– Подъем на перископную глубину. Влево на двадцать градусов. Курс...

Штанга перископа скользнула вверх. Кавторанг раскрыл ручки и припал к новенькой резиновой маске, все еще пахнувшей бактерицидной пропиткой. В пределах видимости не находилось ни одного судна.

Солнце уже клонилось к западу. По большому счету можно было идти в надводном положении на работающем дизеле, параллельно заряжая аккумуляторы. Заодно экипаж смог бы подняться на палубный настил и подышать свежим воздухом. Но опять-таки приказ нельзя нарушить, хоть и не чувствуешь необходимости его выполнять.

– Поднять шноркель, – отдал приказ командир.

Есть у субмарин такое хитрое приспособление – выдвижная телескопическая труба. Лодка остается на перископной глубине, а вот конец трубы поднимается над волнами. Можно и помещение проветрить, и запасы воздуха пополнить, и на дизель перейти.

Штурман уже обсчитал новый курс и доложил, что «Щука» прибудет в заданный квадрат к двум часам ночи.

Командир подошел к акустику, сидевшему за отдельной выгородкой. Лицо молодого мичмана было напряженным. Он придерживал указательными пальцами закрепленные на голове большие наушники; глаза прикрывали солнцезащитные очки, через щеку тянулся бугристый, давно заживший шрам.

– Ну, что там у нас? – как-то совсем по-домашнему поинтересовался кавторанг, тронув мичмана Прошкина за плечо.

– Слышу только море, товарищ командир. Чисто и на воде, и под водой.

– Перейти на дизель, – отдал приказ кавторанг.

Заработали мощные двигатели, стала ощутима легкая вибрация.

Акустик «Щуки» был уникальным человеком. Наверное, подобного ему не имелось ни в одном военно-морском флоте мира. Вот уже два года, как Прошкин ослеп. Случилось это во время пожара на атомном ракетносце, где он тогда проходил службу. Естественно, его, как инвалида, списали на берег. Но молодой подводник не сдался и через год тренировок уже пытался доказать военврачам, что вполне может вернуться на службу в военно-морской флот на должность акустика. Конечно же, от него отмахивались – никто из медиков не хотел брать на себя такую ответственность. К счастью Прошкина, о странном инвалиде по зрению доложили контр-адмиралу Нагибину. А Федор Ильич любил людей упорных, неординарных, ставивших перед собой недостижимые цели. Он первый отнесся к Прошкину с полным пониманием. Скидок на увечье не делал, его интересовала только профессия. Вот тут-то и оказалось, что слепота обострила слух у мичмана до сверхъестественных возможностей. Он безошибочно определял людей по звуку их дыхания, мог передвигаться в незнакомом помещении, ориентируясь на не слышимое для обычного уха эхо, отраженное предметами. Правда, от финального эксперимента, предложенного самим Прошкиным, Нагибин отказался. Тот уверял, что может вести машину по городу в часы пик, лишь бы это был кабриолет, что позволяло бы различать звуки. И чем больше машин вокруг – тем лучше, легче ориентироваться, кто разгоняется, кто тормозит перед светофором, кто трогается. И когда Нагибин подбирал экипаж для будущей подлодки, он и предложил Дулову кандидатуру необычного акустика.

«Если согласишься, не пожалеешь», – пообещал контр-адмирал.

Теперь у командира субмарины отпали последние сомнения. Он был уверен, что Прошкин просто не способен ошибиться. Он даже услышит, как маленькая рыбешка проплывет мимо «Щуки», и непременно назовет ее вид и размер.

Аккумуляторы уже были заряжены, запасы воздуха пополнены. Субмарина прошла последние мили и оказалась в заданном квадрате. Стрелки на часах, как и обещал штурман, показывали два часа ночи. И хоть Прошкин вновь подтвердил, что других кораблей и судов поблизости нет, Дулов все же поднял перископ.

Ночь стояла туманная. Горизонт не различался, небо сливалось с морем. Небольшие волны прокатывались над лодкой, то и дело брызгая в объектив перископа. Дулов скомандовал «всплытие». Тихо загудели насосы, прокачивая балластные цистерны, наполняя их воздухом. Субмарина медленно всплыла и закачалась на волнах.

Какое это удовольствие – отдрать люк и почувствовать, как свежий морской воздух врывается в легкие! Дулов прекрасно понимал, что значит для экипажа, хоть на короткое время, выбраться из тесного нутра подлодки под открытое небо, дышать полной грудью, иметь возможность смотреть вдаль, а не в переборку, до которой рукой подать. А потому внутри «Щуки» остались лишь те, от кого зависела жизнедеятельность субмарины.

Туман понемногу густел, наплывал клочьями. Командир со старпомом стояли у боевой рубки. Экипаж прогуливался по палубному настилу, звучали негромкие разговоры. Звуки тонули в тумане, как в вате.

Кавторанг Дулов настороженно относился к своему заместителю-старпому. Он не мог еще точно сформулировать, что именно его не устраивает в капитане третьего ранга Олеге Решетникове. На первый взгляд более исполнительного человека было бы трудно отыскать. Не зря же Нагибин рекомендовал его командиру в заместители. Дулов любил людей инициативных, неординарных. Именно таким и был Решетников. Вот разве что слишком рьяно он относился к исполнению инструкций и предписаний.

– Игорь Игнатьевич, – негромко обратился старпом к командиру. – У меня есть на примете отличный акустик...

Решетников вопросительно посмотрел на Дулова, ожидая, как он отреагирует на вступление.

– Возможно, твой протеже и отличный специалист, но я целиком и полностью удовлетворен работой мичмана Прошкина. Так что подыщи другую субмарину, где с личным составом напряженка.

– Зря вы так, товарищ командир, – перешел на официальный тон Решетников. – Я же о деле пекусь. Мичман Прошкин идеален в штатной ситуации. А если, не дай бог, ЧП? Скажем, пожар, когда каждая пара рук на счету, а судьбу экипажа решают секунды.

– Типун тебе на язык, старпом.

– Инструкции и правила не от хорошей жизни пишут. За каждой строчкой и положением десятки загубленных жизней стоят.

– Старпом, – командир повернулся к Решетникову лицом. – Лет шестьдесят тому назад тебя бы назвали паникером и отправили бы в расход. А что насчет инструкций, то я могу тебе на досуге показать с десятков, которые одна другой противоречат. Другого экипажа у меня для тебя нет. Ясно?

– Ясно, товарищ капитан первого ранга, – вздохнул Решетников.

– Не так шумно вздыхай, Прошкин-то море слушает. У него от твоих вздохов в ушах заложит, да и подлодку нашу демаскируешь...

Старпом передернул плечами, демонстрируя, что лично к Прошкину он ничего не имеет и уважает его настойчивость, но подплав – это не благотворительная организация.

Внезапно Дулов почувствовал необъяснимую, почти мистическую тревогу, словно за ним из тумана наблюдал кто-то невидимый. Этого быть не могло «по определению». Акустик обязательно определил бы подходящий к ним корабль или судно по звуку двигателя. Конечно же, радар «Шуки» был выключен, чтобы не засветиться, но работал пассивный сонар – он бы уже точно засек чужой радар.

– Почудилось, – чуть слышно произнес кавторанг, обращаясь к самому себе.

– Вы что-то сказали, товарищ командир? – поинтересовался старпом, но ответа не дождался.

Внезапно в тумане по левому борту ярко вспыхнул прожектор, его свет лизнул палубу субмарины. Члены экипажа застыли в изумлении, ожидая приказа. Световое пятно покачивалось, приближаясь.

– Что такое? – Брови Дулова поползли вверх.

Командовать «погружение» было слишком поздно. Из тумана выплыла небольшая деревянная яхта под косым парусом. Еще немного, и она бы врезалась в борт субмарины. Но столкновения не произошло. На яхте натужно заурчал стартер, застучал двигатель, вода за кормой вспенилась. Судно неторопливо повернулось и стало к «Щуке» боком.

– Твою мать, – прошептал старпом.

– Отставить, – почти беззвучно промолвил командир. – Если что, говорить буду я, и только по-английски. – Он покосился на мокрый Андреевский стяг над кормой подлодки; тот лишь угадывался в тумане и вполне мог сойти издали за любой другой флаг. Ну, а поскольку на рабочих комбинезонах экипажа «Шуки» не было знаков различия, то можно было попытаться в случае чего представиться кем угодно – хоть американцами, хоть новозеландцами. Приличный английский был для всех членов экипажа обязательным.

Прожектор на яхте продолжал освещать подлодку. Из-за него было невозможно разглядеть и флаг, под которым она ходила. Пауза явно затягивалась. То ли капитан яхты совсем обалдел, чуть не врезавшись посреди открытого моря во всплывшую подлодку, то ли боялся, раздумывая, стоит ли высовываться на палубу. Вполне могло оказаться, что субмарина принадлежит КНДР, а с этими отморозками лучше не пересекаться даже в нейтральных водах – потопят, не задумываясь.

Дулов проклинал эту ночь. Надо же было такому случиться, чтобы повстречать парусную яхту, которую ни один акустик в мире не может услышать, да еще чтобы она шла без бортовых

огней и с выключенным радаром!.. Это был для него огромный прокол как для командира. Бездарно засветил секретную субмарину, с яхты ее уже могли сто раз сфотографировать и снять на видео.

«Как минимум «неполное служебное соответствие» светит, – успел подумать Дулов и добавил в сердцах: – Придется килограммы бумаг писать, объясняя случившееся...»

И тут на палубе яхты обозначилось движение. Прожектор ушел в сторону, на мачте вспыхнул фонарь. Командир «Шуки» меньше всего ожидал увидеть контр-адмирала Нагибина, но это был именно он – Федор Ильич стоял у борта и спокойно смотрел на застывший экипаж субмарины. Матросы уже спускали с яхты штормтрап.

– Поднимайтесь ко мне на борт, товарищ кавторанг, – не очень приветливо приказал контр-адмирал.

Пришлось повиноваться.

Нагибин и Дулов сидели в небольшой каюте. Яхту покачивало, но понять это можно было лишь по тому, как переливается минеральная вода в пластиковой бутылке на столе. Настоящий морской волк скорее ощутит дискомфорт на твердой земле.

– Я уже ознакомился с шифрограммой по предварительным итогам испытаний, – негромко проговорил контр-адмирал. – Впечатляет. Экипаж поработал на славу.

– Я хотел бы...

– Давайте обойдемся без объяснений с вашей стороны, – поморщился Нагибин. – Я заранее знаю все ваши доводы в оправдание только что произошедшего инцидента. Он, честно говоря, и был с моей стороны провокацией. С того самого момента, когда вы вскрыли последний конверт. Даже не знаю, могли бы вы его предотвратить. Скорее всего, нет. В последнюю очередь виноват ваш акустик. Небольшую деревянную яхту, идущую под парусами, услышать невозможно. Ее мог бы засечь радар, но я сам поставил вам условие сохранять полное радиомолчание. А пассивный сонар в данном случае бессилён. Воспринимайте внезапную встречу с яхтой как напоминание о том, что в море всякое может произойти; как напоминание о том, что расслабляться нельзя ни в какой ситуации, а настоящий командир всегда что-нибудь да придумает. Так что оргвыводов пока не последует.

– Учтем на будущее, товарищ контр-адмирал.

– А теперь перейдем к делу. Наша сегодняшняя встреча произошла не только потому, что я решил эффектно вас уколоть и напомнить о бдительности. Испытания – это хорошо, но не мне вам рассказывать, что даже самые строгие экзаменаторы подсознательно «играют» на стороне испытуемых.

– Другими словами – подсуживают?

– Естественно. Это вам любой психолог подтвердит, – прищурился Нагибин. – Настоящим испытанием может стать только выполнение реального задания, когда игра пойдет всерьез. И вот случай подвернулся. Ваша «Шука» оказалась в нужное время в нужном месте, и не использовать это обстоятельство – взять грех на душу.

Дулов подался вперед:

– Слушаю, товарищ контр-адмирал.

– Наши соседи – КНДР – затевают масштабные военно-морские учения, в которых будут задействованы надводные и подводные корабли Восточного флота. Что вы знаете о ВМФ Северной Кореи?

– В составе ВМФ Северной Кореи служат сорок шесть тысяч человек. Срок службы по призыву от пяти до десяти лет, – принялся докладывать Дулов. – ВМФ состоит из двух флотов: Восточного и Западного. В силу географических причин обмен кораблей между флотами невозможен. Поскольку вы упомянули об учениях Восточного флота, то могу сказать, что действует он в Японском море, в его составе десять эскадр примерно из четырехсот семидесяти кораблей. Штаб расположен в Тхейдонге. В составе флота три фрегата, два эсминец, восемна-

дцать малых противолодочных кораблей, четыре советские подлодки, двадцать три – китайского производства, а также около пятидесяти малых и сверхмалых подводных лодок и две плавучие базы для них...

– Достаточно, кавторанг. Вы настолько же полно информированы и по другим военноморским флотам?

– Нет, товарищ контр-адмирал. Просто освежаю знания по регионам, в которых предстоит действовать.

– Отлично. Еще раз убеждаюсь, что сделал правильный выбор. Так вот. Подготовка к учениям Восточного флота окончена. Начало назначено на послезавтра. – Контр-адмирал положил на стол папку. – Здесь документы, ознакомьтесь с ними чуть позже. Основной элемент учений – запуск ракеты, способной доставлять ядерный заряд, по условной цели. Вы должны быть в курсе того, что с ракетной программой у Пхеньяна не клеится. Их ракеты большой дальности или взрываются при старте, или летят в любую сторону, но только не в нужную. Еще не было ни одного целиком успешного испытания. Поэтому их военные и предложили вернуться к старой, забытой программе немецкого Кригсмарине времен Второй мировой. Подлодки-ракетоносцы Пхеньяну не по карману. Вот и решили осуществить запуск с плавучей платформы, которая с пусковой установкой транспортируется поближе к цели. Теперь достаточно и ракеты средней дальности. Ваша задача: скрытно приблизиться к кораблям, буксирующим платформу, просканировать и записать переговоры техников, экипажей, персонала, расчетов. У нас всегда много вопросов к Северной Корее по заявленным силам и средствам, целям, задачам учений. Обычно официальные данные сильно отличаются от реалий. Затем вам предстоит уйти в квадрат, где будет расположена учебная плавучая цель, оценить результаты стрельб и по возможности подобрать фрагменты ракеты.

* * *

Две эскадры Восточного флота КНДР покинули базу Вонсан и вышли в Японское море. Флагманский фрегат «Сохо» в сопровождении двух эсминцев тянул за собой в полузатоленном состоянии массивную баржу, на которой под складками брезента и маскировочной сетью угадывалась пусковая ракетная установка.

На флагманском корабле в кают-компании адмирал Пак Нам Чхоль нервно мерил шагами помещение. Мягкий ковер гасил звуки шагов. Адмирал то и дело поглядывал на портрет несменяемого руководителя Северной Кореи Ким Ир Сена. Фотографы и художники постарались – великий вождь, хоть и был уже покойником, но все равно, казалось, смотрит с портрета словно живой, будто присутствует на флагманском корабле. И взгляд его был таким же таинственным, как у леонардовской Джоконды. Адмиралу казалось, что пару минут тому назад покойный вождь смотрел на него с отеческой улыбкой и глаза Ким Ир Сена лучились добротой. А вот стоило пару раз мотануться по кают-компании и глянуть на портрет снова, как взгляд вождя становился уже строгим и требовательным – мол, помни, адмирал, партийное руководство не для того поставило тебя на высокую должность и обеспечило материальными благами – даже доступ в Интернет предоставило, – чтобы ты расслаблялся. Мы с тебя по всей строгости спросим за выполнение ответственного партийного задания.

Пак Нам Чхоль остановился у огромного стола, занимавшего чуть не половину кают-компании. На столешнице была расстелена огромная, склеенная из отдельных кусков карта Японского моря, а на ней по старинке расставлены макеты кораблей эскадры. Модельки были выполнены любовно, в подробностях, в деталях повторяя реальный фрегат, эсминцы и корабли сопровождения. Даже пусковую установку на барже прикрывал клочок шелковой материи вместо грубого брезента.

Адмирал полистал метеосводки. С северо-востока надвигался циклон, обещавший сильный шторм. Пак Нам Чхоль глянул на хронометр, висевший над входом. Секундная стрелка неровно дергалась, приближаясь к двенадцати. Точно в назначенное время дверь с круглым иллюминатором отворилась, и в кают-компанию вошел старлей Ким Ен Джун – легенда Восточного флота, возглавлявший диверсионную группу из подводных пловцов. Его обязанностью было готовить диверсии против южнокорейских кораблей и судов, с использованием миниатюрных подводных лодок корейского производства. Эти маленькие субмарины были просты и надежны, как автомат Калашникова, и обычно использовались в деле лишь один раз.

Ким Ен Джун строевым шагом приблизился к адмиралу и доложил, что прибыл на флагманский корабль вместе с группой из десяти лучших подводных пловцов Восточного флота.

– Отлично, старлей. – Адмирал сделал Ким Ен Джуну знак, что он может расслабиться и не стоять навытяжку.

После чего Пак Нам Чхоль негромко произнес:

– Об истинной цели учений будет знать лишь ограниченный круг людей; вы и ваши спецназовцы одни из них. Сейчас я введу вас в курс дела.

Ким Ен Джун с непроницаемым лицом выслушал вводную адмирала о том, что русские создали суперсовременную мини-подлодку, убийцу авианосцев, и теперь проводят в Японском море ее испытание. О том, что спецслужбам КНДР удалось похитить одного из инженеров, проводивших ходовые испытания подлодки. О том, что узнать от него удалось немного: некоторые технические характеристики и возможности новейшей субмарины, а также некоторую информацию личного характера. В частности, похищенный инженер сообщил фамилию и звание командира подлодки и дал ему характеристику: предельно честный, свято соблюдающий морские традиции, пойти на предательство родины не способен.

– ...подлодка сейчас где-то рядом. Но ни у нас, ни у других флотов мира нет средств, чтобы ее обнаружить. Ваша задача – сделать невозможное, захватить эту подлодку вместе с экипажем.

Ким Ен Джун кивнул и посмотрел в глаза Пак Нам Чхолью – мол, план захвата уже существует или его следует разработать?

– План уже разработан мною и согласован, – не без гордости заявил адмирал. – Официальная цель учений заявлена – отработка пуска ракеты с плавучей платформы. В качестве учебной цели будет использована списанная плавучая рембаза. И мы ее разместим вот здесь, отбуксируем вот сюда. – Пак Нам Чхоль достал из лакированной деревянной коробки макет рембазы и водрузил в юго-восточной части карты. – Что вы можете сказать по этому поводу?

– Могу заметить, что русские постараются первыми выйти к цели после попадания в нее ракеты, чтобы подобрать фрагменты. А значит, будут крутиться где-то неподалеку, – бесстрастно проговорил командир группы подводного спецназа и добавил: – Но во время учебного пуска в этом квадрате будет свирепствовать шторм. Не лучше ли переместить цель в более спокойное место, товарищ адмирал?

– Нет, не лучше, – ухмыльнулся Пак Нам Чхоль. – Их подлодка, конечно же, всплывет, иначе фрагменты им не подобрать. Но даже ваши люди, старлей, не смогут неожиданно на них напасть. Русские подводники будут начеку. Нужно их обмануть. – Адмирал запустил руку в лакированную деревянную коробку, извлек макет простого рыбацкого сейнера и поставил его на карту неподалеку от макета рембазы.

Ким Ен Джун, склонив голову на плечо, присмотрелся к сейнеру:

– Разрешите, товарищ адмирал, угадать ваш замысел?

– Что ж, попробуйте, – улыбка на губах Пак Нам Чхолья сделалась шире, он не сомневался в правильности своего плана.

– Отправной точкой следует выбрать слабость командира субмарины, которую предстоит захватить, – буквальное следование морским традициям.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.